

Азия и Европа оценивают непреднамеренные результаты американского упадка

«Наказывая своих давних союзников тарифами, Дональд Трамп подталкивает другие страны к созданию торговых блоков и сетей без участия США». *New York Times* лишь полемически ставит этот вопрос, но в Европе и Азии он уже стал центральной темой размышлений.

Тарифы – это *«объявление экономической войны»*, утверждает *Le Monde*. Последовало быстрое временное перемирие на переговорах, где тарифы были приостановлены в обмен на тактические уступки со стороны Канады и Мексики. И хотя *«блеф»* смог принести некоторые временные результаты, в сердце американских отношений *«постоянная нестабильность»* уже пустила корни. Непредсказуемость как оружие, как отмычка, которую новое президентство пускает в ход перед лицом американского упадка, намереваясь даже по возможности обратить его вспять, но ценой подрыва доверия к США как гаранту старого порядка и сети союзов, которые нужны Штатам для противостояния Китаю, даже если их отношения с Европой перестраиваются, а Япония полностью перевооружается.

Поэтому так сложно интерпретировать громкие заявления новой исполнительной власти или её опрометчивого подхода к самым запутанным узлам международных отношений, начиная с *войн кризиса порядка* в Газе и на Украине. Чтобы оценить реальный вес протекционистских угроз и понять, в какой степени они действительно затронут союзников, нужно посмотреть, в каком масштабе они будут введены в ближайшие месяцы. Так или иначе, что в Брюсселе и Токио, что в Пекине, что среди разных течений в самом Вашингтоне внимательно наблюдают за принудительными шагами Штатов: не в первый раз односторонние выходы США приводят к ускорению тенденций к многополярности, которым они пытались помешать, в полном соответствии с законом непреднамеренных результатов.

“Никсоновский шок”, односторонний отказ от конвертируемости доллара в 1971 году, чаще всего всплывает в качестве прецедента, так как тогда же были временно введены 10-процентные общие тарифы, которые должны были подтолкнуть мировые державы к быстрому монетарному компромиссу. Этот шаг дал импульс процессу, который постепенно привёл Старый континент к евро, начиная с введения “валютного коридора” и последующего перехода к Европейской валютной системе (EMS). Но ещё раньше, уже в 1975 году, США пришлось признать необходимость пересмотра своих глобальных отношений, включив Европу и Японию в неформальный “директорат”, созданный в Рамбуйе, сначала в виде Большой пятёрки, а затем Большой семёрки. США, ослабленные Вьетнамом и Уотергейтом, не могли самостоятельно гарантировать послевоенный порядок.

Рейгановское перевооружение в 1980-х годах также было ответом на тенденцию к многополярности: в этом случае против Германии и Японии была разыграна военная карта; но это истощило СССР до такой степени, что привело к его распаду, в результате чего Германия воссоединилась. В Азии соглашения “Плаза” и обвал Азиатского валютного фонда в 1990-х годах приговорили Японию к “потерянным десятилетиям”, но при этом на фоне набирающего силу Китая. Распад СССР и открытие Никсоном и Киссинджером отношений с Пекином сыграли Китаю на руку. “Война по выбору” Джорджа Буша в 2003 году была попыткой взять под контроль энергетическую артерию, чтобы предотвратить дальнейшее объединение Европы и восхождение Китая; но и эта односторонняя тактика привела к непредвиденным стратегическим результатам, начиная с катастрофического ухода из Ирака и Афганистана и заканчивая вступлением Китая в игру в Персидском заливе.

Настал черёд Европы заплатить самую большую цену, и вот в чём суть: вмешательство США против линии Ширака-Шрёдера, выступавших против войны 2003 года, разрезало Европейский союз как *«ножом через масло»*. В результате процесс централизации Европы, по крайней мере в критически важной сфере внешней политики и обороны, остался замороженным более чем на два десятилетия. В конечном итоге действия США привели к тому, что часть вызова со стороны Китая была перенесена внутрь трансатлантических отношений, и именно этот аспект может снова стать предметом споров при новой администрации. То же самое можно сказать и об асимметричном союзе с Японией.

Дело в том, что непреднамеренные последствия, либо неверно интерпретированные Белым домом, либо просто связанные с хаотичным управлением относительно упадком, могут неравномерно сказаться на различных державах. А значит, они способны изменить относительные издержки и выгоды, связанные с *кризисом мирового порядка*. В какой степени это ослабит или, скорее, усугубит распад старых многосторонних структур – вопрос открытый; однако в анализ последствий также входит реакция других империалистических центров, которые могут быть вынуждены активизировать своё экономическое, политическое и военное *переворужение* именно из-за одностороннего курса Штатов.

Достаточно вспомнить вопрос европейской обороны, который вместе с войной в Украине вернулся к тому же, на чём застыл ещё в 1990-е годы, или “контрнаступление”, предложенное в Плане Драги о конкурентоспособности. В Европе и Азии империализм США десятилетиями “защищал” своих союзников именно для того, чтобы не позволить им перевооружаться или, как минимум, усилить стратегическую и военную автономию: насколько сейчас продумана высокомерная риторика, призывающая их позаботиться о себе самим?

Газета *New York Times* на примере Европы иллюстрирует, какие контрмеры принимают державы для защиты многосторонности, чтобы расширить свои отношения и защититься от американской непредсказуемости. С одной стороны, Европа укрепляет связи с МЕРКОСУР и Мексикой в американском полушарии; с другой стороны, Лондон пытается восстановить отношения с ЕС, разорванные Брекситом, за чем с тревогой наблюдает пресса США. Серьёзность намерений на Ла-Манше подтверждается также тем, с какой скоростью на них отреагировали евроскептические СМИ и, по мнению *Le Monde*, «сближением» в оборонной сфере, имеющим практические последствия для дискуссии вокруг европейского процесса, от промышленной политики до форм финансирования военных расходов.

Выступая на форуме в Давосе, Урсула фон дер Ляйен использует пространство, открытое экономическим национализмом Штатов: в то время как «конкуренция между великими державами усиливается», Европа объявляет себя «открытой для бизнеса» и обращается к Индии и Китаю. С Драконом Брюссель будет стремиться к прагматичным переговорам, вернувшись к некоторым вопросам, оставшимся подвешенными со времён инвестиционного соглашения CAI, которое застыло в Европейском парламенте в 2021 году. Дели же станет местом первого зарубежного визита новой Еврокомиссии. Очевидно, что европейская инициатива использует торгово-экономическую сферу, чтобы уравновесить и ограничить горячность Вашингтона: «*Это новое взаимодействие со странами по всей планете – не только экономическая необходимость, но и послание миру. Это ответ Европы на растущую глобальную конкуренцию*». Подкрепить это призвана ещё одна формула за авторством президента Совета ЕС Антониу Кошты: «*Европа – центр притяжения*», – которая обращена к развивающимся державам, а также к Великобритании и Японии.

Цуй Хунцзянь из Пекинского университета иностранных исследований, который готовит дипломатических работников, даёт одну из самых точных оценок европейского маневрирования. По его мнению, фон дер Ляйен «*разыграла “китайскую карту”*» на двух столах: в отношении США, чтобы подтолкнуть их к более проевропейской политике, и в отношении Китая, чтобы заманить его пространством для сотрудничества. Однако корректировка будет «*тактической*», а не «*структурной*», поскольку европейские возможности для манёвра ограничены. Трёхсторонние отношения между США, ЕС и Китаем становятся всё более сложными. Трамп может подтолкнуть развитие китайско-европейских связей, но это будет зависеть от степени координации между США и Европой; пока что атлантические трения в любом случае заставляют ЕС «*пересматривать своё стратегическое балансирование между Китаем и США*».

Китай сдержанно ответил на пошлыни США, оставив за собой возможность вести переговоры в более комфортных условиях. Китайская многосторонняя линия обращена к Европе и выражается в претензии на лидерство в многополярных тенденциях, противостоящих амбициям «*новой формы американского превосходства*». Это не исключает, однако, того, что Китай может снизить свою активность по пересмотру порядка, чем занялись уже сами Штаты со своим “*Sonderweg*”, одиноким путём. Тем самым Пекин передал бы Вашингтону бремя разрушения международных институтов и норм.

В Пекине, по мнению Ван Вэня из Института Чунъян, Трампа будут называть “Чуань Цзяньго” – «*помогающий построить более сильный Китай*» (“Валдай”, 21.01.2025): во время своего первого срока он помог разрушить иллюзии о США, ускорить китайские технологические инновации и расширить торговлю с другими странами.

Точно так же, добавляем мы, и Брюссель мог бы задуматься о перевооружении Европы и связях с Индией, Китаем и Японией.

В Токио европейская линия может быть воспринята с большим стратегическим пониманием. Японская пресса наиболее внимательна к *«трещинам в системе альянсов»* и к формам, которые заокеанский *«упадок»* может придать *кризису порядка*. По мнению *Nikkei*, если послевоенный *«порядок»* *«разрушится»*, мир будет отброшен назад в *«эпоху хаоса и войны»*; и Япония *«не должна спускать флаг свободной торговли»*.

По мнению *Japan Times*, Токио *«не должен быть пассивным»*, а должен взяться за развитие многосторонних связей в рамках IPEF (Индо-Тихоокеанская экономическая структура) с США, Кореей, Индией и Индонезией, соглашения JEPA (Соглашение об экономическом партнёрстве между Европейским союзом и Японией) с Европой и CPTPP (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership), транстихоокеанского соглашения, спасённого Японией после ухода Трампа в 2017 году и превращённого в инструмент Страны восходящего солнца. *«Коалиция желающих»* должна будет призвать Японию к многосторонним экономическим связям, но Токио, тем не менее, также *«удвоит»* военные усилия по собственному усилению в рамках союза с Вашингтоном и возобновит политические связи с Пекином. Премьер Сигэру Исиба не хочет быть застигнутым врасплох возможными *«различными соглашениями»* между США и Китаем. Поэтому было бы целесообразно использовать CPTPP в качестве стратегической платформы: с одной стороны, благодаря связям с Европой, уже закреплённым в ядре JEPA и предвосхищённым вступлением Великобритании в декабре; с другой стороны, благодаря кандидатуре Китая на членство в CPTPP, пока находящейся на предварительной стадии.

Наконец, обзор *New York Times* о многополярных силах, пробуждённых Трампом, заканчивается тем, что Индонезия и нефтяные державы Персидского залива присматриваются к Индии, чтобы сбалансировать свои стратегические возможности, а китайский Дракон плавает в тёплых морях: в мае АСЕАН встретится с Советом сотрудничества стран Персидского залива в Маниле, причём гостем встречи будет именно Китай. Джакарта, по сообщениям, присоединилась к БРИКС с согласия Индии и при поддержке Японии. Между Индией и Индонезией происходят и другие движения: Прабово Субианто посетил Дели, чтобы *«замкнуть круг от Бандунга до расширенного БРИКС»*, сообщает *The Hindu*. Но на этом мы остановимся.

Трамповское “искусство сделки” предполагает его инстинктивное умение вести двусторонние переговоры с каждым участником по-отдельности. Но непредвиденный результат всегда является итогом сложного “параллелограмма сил”.

Февраль 2025 г.